

УДК 008 : 808.1

М. ЦВЕТАЕВА В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Н.М. Шевченко

На материале словесных образов М. Цветаевой делаются выводы о ценностях, идеях, понятиях, возникших на основе диалога культур, что говорит о глубинном отражении инокультур в картине мира индивида.

Ключевые слова: мировая культура; языковой образ; языковая личность; национальный колорит; диалог культур; языковая картина мира.

M. TSVETAEVA IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC CULTURE AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

N.M. Shevchenko

Conclusions to values, ideas, and notions occurred on the basis of cultural dialog, which means a deep reflection of foreign culture of a person's world image, are made using materials of M. Tsvetaeva's verbal images.

Key words: world culture; linguistic image; linguistic person; ethnic flavour; cultural dialog; linguistic world image.

Показателем врожденных переплетений Цветаевой с различными культурами (немецкой, французской, греческой, итальянской, польской) является все ее творческое и духовное наследие. Это, прежде всего, естественность заимствованных образов в прозаических текстах, свидетельствующих о знании и понимании самых утонченных реалий той или иной культуры. М. Цветаева бережно и с любовью относилась к античной культуре, а мифы стали одним из ведущих компонентов ее творчества. Она уверена в том, что искусство было бы свято, если бы мы жили тогда или те боги – теперь. Через все творчество Цветаевой проходит мысль о двух видах любви: земной, олицетворенной в Венере, в Еве, в гомеровской Елене, – и духовной, олицетворенной в Психее. Психею (невидимую!) мы любим вечно, потому что заочное в нас любит – только душа! В письме к Е.Б. Тагеру она пишет:

“Помните Антея, силу бравшего от (легчайшего!) прикосновения к земле, в воздухе державшегося – землю. И души Аида, только тогда говорившие, когда отпили жертвенной крови. Все это – и антеева земля и аидова кровь – одно, то, без чего я не живу, *не я – живу!* Это – единственное, что *вне* меня, чего я не властна создать и без чего меня *нету*... [1, VII, с. 678].

Она знакома даже с традициями древнегреческих жрецов, которые предсказывали будущее по птичьим внутренностям.

Цветаева очень хорошо знала Библию и евангельские легенды (“Пало прениже волн...” – Змия

мудрый...// Голубя кротче. – Согласно евангельской легенде, Христос обратился к апостолам со словами: “Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби”). Она обыгрывает евангельскую легенду об исцелении дочери начальника синагоги Иаира, которую Иисус Христос воскресил от сна-смерти.

Стремление Цветаевой характеризовать незаурядную личность, ум, талант, высокую норму соотносима только прикосновением с божественным: “Милый Пастернак, – разрешите перескок: Вы явление природе. Сейчас объясню почему. Проверяю на себе: никогда ничего не беру из вторых рук, а люди – это вторые руки, поэты – третьи. Стало быть, Вы так и не вжились – ни во что! И конечно – приметы. Бог задумал Вас дубом, а сделал человеком, и Вас ударяют все молнии” [1, VI, с. 233].

А если говорить о Гете – он не пример – ибо мы, как считает Цветаева, должны рассматривать его в ряду не людей, а – богов.

О какой бы стране ни писала Цветаева – невольно в нее влюбляешься:

“...для меня Германия – продолженная Греция, древняя, юная. Германцы унаследовали. И, не зная греческого, ни из чьих рук, ни из чьих уст, кроме германских, того нектара, той амброзии не приму” [1, IV, с. 545].

Любую культуру Цветаева воспринимает только через человеческие отношения. Она прекрасный знаток человеческих душ:

“Ни один немец не живет в этой жизни, но тело его исполнительно. Исполнительность немецких тел вы принимаете за рабство германских душ! Нет души свободней, души мятежней, души вышекомерней! <...> Им *здесь* ничего не нужно. Отсюда покорность. Ограничение себя здесь для безмерно-го владычества там” [1, IV, с. 552].

Основной чертой характера этой нации Цветаева отмечает мечтательность, в этой стране она чувствует себя белой вороной среди белых, в Германии она рядовой. В Германии притеснен только притесняющий, а ей, равнодушной к внешнему, в Германии просторно. Цветаева признается, что в ней много душ, но главная душа – германская. В ней много рек, но главная река – Рейн. В германском гимне она растворяется.

К любому явлению бытия Цветаева подходит философски, она уверена, что Революция создает разрыв между прошлым и будущим, а в основе жизни, напротив, лежит преемственность, продолжения. Когда она читала или слышала фразы: “Немцы подарили нам большевиков. Немцы подарили нам plombированного Ленина”, она, не трогая фактов, пыталась дать свое понимание этому явлению:

“В дипломатических подарках не знаток, но, если это даже правда, – руку на сердце положи – будь мы на их месте и додумайся мы, – мы бы этого не сделали? Вагон, везущий Ленина, – не тот же ли троянский конь? Политика – заведомо мерзость, ничего от нее, кроме них, и ждать. С этикой – в политику! А германская ли мерзость, российская ли – не различаю. Да никто и не различит. Как Интернационал – зло, так и Зло – интернационал” [1, IV, 554].

Она гордится, что в ее жилах течет немецкая кровь и присуща немецкая протестантская честность, губительной гордыни все, что пишет, – подписывать.

Марина Ивановна немецкий знала в совершенстве, но писала лучше по-французски, поэтому в письме к Рильке она спрашивает, хорошо ли он понимает ее плохой немецкий? Понимая, что в каждом языке есть нечто лишь ему свойственное, что и есть *сам* язык: “Немецкий глубже французского, полнее, растяжимее, *темнее*. Французский: часы без отзвука, немецкий – более отзвук, чем часы (бой). Немецкий – продолжает создаваться читателем – вновь и вновь, бесконечно. Французский – уже создан. Немецкий *возникает – существует*. <...> Немецкий – бесконечное общение (*тоже – дар!*), но французский – дар окончательный. Платен пишет по-французски. Ты (“Vergger”) пишешь по-немецки, то есть – себя, поэта. Ибо немецкий ближе всех к родному. Ближе русского, по-моему. Еще ближе” [1, VII, с. 67].

Австрийский поэт знал и русский, и французский языки, но Цветаева писала ему по-немецки,

что подчеркивает большую любовь, глубокую дань уважения к “вершинному брату”.

“Германия – страна чудаков” – “Land der Sonderlinge” – так бы Цветаева назвала книгу, которую бы о ней написала по-немецки. Написать о немцах по-немецки – это значит особенно, удивительно, потому что язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре. Она их не только видела, она их знала и любила. Другому кому-нибудь можно говорить о здравомыслии и скуке немцев. Для нее это страна сумасшедших, с ума спешших на высшем разуме – духе. Цветаева во всем конкретна:

“После Эккермана могу читать только “Memonal de Sainte-Helene” Ласказа – и если я кому-нибудь завидовала в жизни – то только Эккерману и Ласказу” [1, IV, с. 549].

В прозаическом творчестве поэта обращает на себя внимание традиционное вкрапливание слов с сохранением графики немецкого, французского и чешского языков, которые выполняют важную семантическую нагрузку в текстах.

Многие иноязычные выражения, которые употребляются без перевода и в написании языка-источника, выполняют важную эмоционально-экспрессивную и стилеобразующую роль. Все они имеют афористический и экспрессивный характер. В основном это выражения из латинского, французского, немецкого языков:

“Как Брюсов сразу умер, и привыкать не пришлось <...>. Хочу думать, что без борения отошел. Завоеватели умирают тихо. Знаю только, что смерть эта никого не удивила – не огорчила – не смягчила. Пословица “de mortuis aut bene aut nihil” (лат.) (“О мертвых – либо хорошо, либо ничего”) поверхностна, или люди, ее создавшие, не чета нам. Пословица “de mortuis aut bene aut nihil” создана Римом, а не Россией. У нас наоборот, раз умер – прав, раз умер – свят, обратно римскому предостережению – русское утверждение: “лежащего не бьют” [1, IV, 59];

“(На какой-то точке бонапартизм с идеальным коммунизмом сходятся: “La carriere, ouverte aux talents”¹ – Наполеон.)” [1, IV, с. 60].

Даже исключение подтверждает эту мысль:

“Кстати, если бы вместо “мужчины” было “тигр”, я бы, может быть, и любила мужчин. Какое безобразное слово – мужчина! Насколько по-немецки лучше: “Mann”, и по-французски: “Homme”. Man, homo... Нет, у всех лучше...” [1, IV, с. 483].

Для создания образа она сохраняет не только национальный колорит слова, но и акцент, подчеркивая свои знания и любовь к этой культуре:

¹ Карьера, открытая талантам (фр.).

“Однажды утром к нам в комнату бомбой влетела наша немецкая бонна. – Забрали, забрали! Verloren! Grosser Gott! Er jung! Что видит теперь из ней? Нишасни маладой шилавек! Нагрубил профессор! Ах, мой Бог! Ни рыба ни мясо! – Мы поняли только последнее: Аркадий Аркадьевич ни рыба, ни мясо. Но чего же здесь такого ужасного?” [1, V, с. 99].

Она прекрасно передала и латышский акцент: “Я эфо знала, такой миленький. Он участвовал в загофоре и эфо теперь пригофорили к расстрелу. Чик-чик”... [1, IV, с. 453].

Иногда с той же целью создания образа использует русскую графику для иностранного слова:

“Но не могу же я стучаться в человека, как в брандмауэр!” [1, VI, с. 710].

Распространенным в прозе поэта является прием сохранения немецкой графики с морфологическими признаками русского окончания:

“А сколько я еще не рассказала! О ней бы целую книгу, ибо она этой целой книгой – была, целым настоящим Bilderbuch’ом для детей и поэтов” [1, IV, с. 187];

“И не понимала я ничего, пока однажды, на заголовке поздравительного места, данного мне Августой Ивановной для Glückwunsch’a¹ матери, не увидела сидящих на нотной строке вместо нот – воробушков!” [1, V, с. 13];

“Слово, ко мне обращенное, Льва Ивановича Шестова, страстного Naturmensch’a² и пешехода: – Мы тоже – и канавы перепрыгивали, и друг через друга прыгали, и на веслах сидели, и плавали, да еще как плавали!” [1, V, с. 451–452].

Этот прием дважды срабатывает на слове “вундеркинд”:

“Очень одарен, но ничего от Wunderkind’a, никакого уродства, просто – высокая норма” [1, VII, с. 160]; “Аля в то время была Wunderkind’ом по уму, красоте глаз и весу. Все восхищались и завидовали” [1, IV, с. 558].

Она без напряжения, легко и просто создает образ за счет национального колорита двух языков одновременно:

“Наши жизни похожи, я тоже люблю тех, с кем живу, но это – доля. Ты же – воля моя, та, пушкинская, взамен счастья (я вовсе не думаю, что была бы с тобой счастлива! Счастье? Pour la galerie und für den Pöbel!³). [1, VI, с. 244] – **слияние французского и немецкого языков;**

“Обнимаю Вас и в Вашем лице – всю мою родную Чехию: “mit dem heimatischen “prosim”

¹ Поздравления.

² Здесь: любителя природы.

³ Для галерки и для черни! (фр. и нем.).

(Rillke)” [1, VI, с. 462] – **слияние немецкого и чешского языков.**

Нормативностью в текстах Цветаевой является сохранение национального колорита при употреблении антропонимов, топонимов, хоронимов, дримонимов, идеонимов, ойконимов, урбатонимов. Безмерность Цветаевой впитала лучшие черты европейской культуры. В Германии, Италии и Чехии она чувствовала себя как дома, но некоторые черты характера и привычки сама Цветаева приписывает польской крови:

“Пристрастие мое к Шопену объясняется моей польской кровью, воспоминаниями детства и любовью к нему Жорж Санд” [1, VI, с. 342].

В “Повести о Сонечке” она очень тонко подчеркивает манеры, по которым определяется польская кровь:

“Вы мне тогда, у Зои Борисовны, напомнили польскую панночку: на вас была такая (беспомощно) – курточка, что ли? Дымчатая, бархатная, с опушкой. Словом, кунтуш? И посадка головы – немножко назад. И взгляд – немножко сверху. Я сразу в вас почувствовал – польскую кровь”. [1, IV, с. 343].

Трогательно Марина Ивановна описывает польский крой платья из ткани, которая досталась ей по наследству:

“...И за первым, осевшим, коричневым, фаевым – прабабушки графини Ледоховской – прабабушкой графиней Ледоховской – несшитым, ее дочь – моей бабушкой – Марией Лукиничной Бернацкой – несшитым, ее дочь – моей матерью – Марией Александровной Мейн – несшитым, сшитым правнучкой – первой Мариной в нашем польском роду – мною, моим, семь лет назад, девичеством, но по крою – прабабушки: лиф как мыс, а юбка, как море <...> застегивает на все подробности его двенадцати пуговок обтяжной лиф, расправляет, оправляет мельчайшие сборки пояса, провожает их рукой до огромных волн подола...” [1, IV, с. 381–382].

Цветаева хорошо знала историю польского народа. Одно из своих произведений она посвящает Марине Мнишек, а в тетрадях от 16 июня 1918 г. сделана запись, что в Польше есть почетная должность сторожа могилы Костюшко.

Сама же Цветаева никогда не могла определить, где ее больше, музыку она определенно чувствовала (передалось от матери) Германией, любовь – Францией, тоску – Россией. А любовь к России ли, к Германии ли, к Польше ли, к Франции ли – неразделима. Страсть к каждой стране, как к единственной – вот ее вечный Интернационал. Но она всегда знала, что ей ближе:

“Франция для меня легка, Россия – тяжела. Германия – по мне. Германия – дерево, дуб, heilige Eiche (Гете! Зевес!). Германия – точная оболоч-

ка моего духа, Германия – моя плоть: ее реки (Ströme!) – мои руки, ее рощи (Heine!) – мои волосы, она вся моя, и я вся – ее!” [1, IV, с. 550].

Она в мире любила не самое глубокое, а самое высокое, потому русскому страдания предпочла гетевскую радость, а русскому метанию – гетевское уединение.

Все отмеченные элементы европейской культуры в прозаических текстах Цветаевой непосредственно связаны с национально-культурным своеобразием содержания сообщения.

Большое значение в реализации диалога культур Цветаевой имеют прецедентные имена, заключенные в формулы:

“**Герострат**, чтобы прославить свое имя, сжигает храм. Поэт, чтобы прославить храм, сжигает себя”; “Единственное, что можно перед **Джокондой** – не быть”; “**Бетховен** превосходил любого – сущностью, но любой превосходил Бетховена – красотой. **Гете** (80-ти лет) превосходил любого гением (и красотой!), но любой превосходил его молодостью”; “Эти полчаса **Гоголя** у камина больше сделали для добра и против искусства, чем вся долготная проповедь **Толстого**”.

Г. Гачев в своих исследованиях “Ментальность народов мира” и “Национальные образы мира” на когнитивном уровне выявляет иерархию смыслов, ценностей, идей и концептов в картине мира личности. Но все эти факторы формирования языковой личности всегда преломляются через внутренний мир личности, который вносит существенную долю индивидуального в усвоенный язык. Язык личности включает в себя врожденные индивидуальные особенности воображения, мышления, психики, языковое чутье, когда личность избирательно относится к тому, что предлагается ей языковой средой...” [2, с. 59]. Так как речь идет о личности М. Цветаевой, то в число факторов формирования ее языковой личности нужно добавить систему художественного восприятия действительности, так как творческий характер личности порождает высокую степень активности при усвоении языковых фактов и обостренное чувство оценки [3, с. 16]. В этом отношении показателен образ цветаевской Италии в контексте русско-итальянского диалога. Ни один источник не подтверждает, что Цветаева владела или не владела итальянским языком. Но, если учитывать роль домашнего воспитания в развитии и становлении ее личности, она не могла не знать любимого языка отца. Знакомство Цветаевой с итальянской культурой состоялось в раннем детстве, И.В. Цветаев часто бывал в Италии и привлекал дочь к деловой переписке по делам создания Музея изящных искусств. Соприкосновение с процессом возведения и открытия музея заложили

в М. Цветаевой основы видения той Италии, которые сопровождали ее на протяжении всего творчества. Древний Рим она любила особенно. Своеобразные впечатления на поэта произвела сама Италия, где она побывала дважды. Ее главные переживания связаны с судьбой культуры и искусства, времени и цивилизации. В ее текстах называется большое количество итальянской литературы, имена авторов и их героев.

Отделять какую-либо культуру в структуре языковой личности Цветаевой – все равно, что пытаться из готового хлеба получить отдельно воду и отдельно муку. Она прекрасно знает то, о чем пишет. В ее текстах взаимодействие русской, античной, итальянской, немецкой, французской, польской, чешской культур отражается на всех уровнях становления языковой личности. Явлению художественного билингвизма в идиостиле Цветаевой посвящена работа Л.В. Зубовой, в которой исследователь отмечает, что иноязычные элементы включаются М. Цветаевой не только как экзотизмы, варваризмы и каламбуры, но и как основа моделирования идеологического смысла или образной системы [4, с. 40].

Из словесных образов в текстах Цветаевой, проявляющих диалог культур, невозможно выделить приоритеты только одной культуры, приращение смысла возникает под влиянием разных культур, поэтому ассоциации между дополнительными значениями равноправны. Зачастую элементы итальянского в текстах Цветаевой переплетаются с появлением немецкого. Обобщая образ итальянца Казановы, она сообщает Рильке:

“И – не удивляйся – это написано моей *германской*, не французской душой” [1, VII, с. 61].

Диалог культур – важнейший процесс в формировании языковой личности М. Цветаевой, становление и развитие которой проходило на границе нескольких этнокультур, что и определило своеобразие восприятия окружающего мира. Несмотря на несхожесть культур, Цветаева доказала, что между ними диалог возможен, так как ценности одной культуры способны проникать в идеи другой культуры и способствовать развитию коммуникации между различными культурами.

Литература

1. *Цветаева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. / М.И. Цветаева. М.: Эллис Лак, 1994.
2. *Гачев Г.* Ментальности народов мира / Г. Гачев. М., 2003.
3. *Язикова Ю.С.* Слово в языке М. Горького: Смысловая структура слова в семантико-стилистической системе писателя / Ю.С. Язикова. Горький, 1985.
4. *Зубова Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект / Л.В. Зубова. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989.